

**ФРИДРИХ К., БЖЕЗИНСКИЙ ЗБ.¹⁾
ТОТАЛИТАРНАЯ ДИКТАТУРА И АВТОКРАТИЯ**

**FRIEDRICH CARL. J., BRZEZINSKI ZB.
Totalitarian dictatorship and autocracy. – Cambridge (Mass.):
Harvard university press, 1965. – xiii, 438 p.**

(Реферат)

Автократия и проблема государства

Для характеристики тоталитарных диктатур применяются все термины, посредством которых ранее обозначались традиционные

¹⁾ *Карл Фридрих (1904-1978) – известный американский политолог немецкого происхождения, почетный профессор Гарвардского университета. Автор книг "Человек и правительство. Эмпирическая теория политики (1963), "Европа: рождающаяся нация" (1969), "Ограниченное правление" и др.*

Збигнев Бжезинский (род. в 1928 г.) – известный американский политолог польского происхождения, в 1977-1981 гг. помощник президента США по национальной безопасности. Автор книг "Постоянная чистка. Политика советского тоталитаризма" (1956), "роль Америки в технотронную эру" (1970), "План игры. Геостратегические рамки американо-советского соперничества" (1986), "Большой провал. Рождение и смерть коммунизма" (1989) и др.

автократические режимы: тирании, деспотии, абсолютные монархии. А ведь все эти термины вводят в заблуждение. В историческом смысле существует лишь частичное сходство между тоталитарными диктатурами XX в. и такими старыми автократиями, как, скажем, восточные деспотии или греческая тирания. Последние отнюдь не стремились целиком завладеть человеком, а довольствовались устранением его из одних сфер деятельности и эксплуатацией его сверх обычной меры в других сферах. С другой стороны, деспотии и тирании создавались ради личной корысти властителей – чего не скажешь о тоталитарных диктатурах. Каким бы Ленин не замысливал новый тип государства, он исходил при этом не из собственных личных интересов.

В истории существовали разные формы автократии – неограниченная власть вождей в первобытном обществе, характерное для восточных деспотий (а позднее и для Римской империи) обожествление правителя, тирании в греческих городах государствах и в Италии эпохи Возрождения, абсолютные монархии в Европе нового времени, включая царскую Россию, и т.д. Учитывая это, тоталитарную диктатуру можно в первом приближении назвать автократией, основывающейся на современной технологии и массовой поддержке.

Отличительной чертой всех автократических режимов является неподотчетность правителя никому во всех его действиях. Он олицетворяет власть сам по себе: принимает решения и пожинает их плоды. Логической противоположностью такой форме правления служат системы, именуемые на Западе ответственными или конституционными; среди них наиболее адекватной формой стала конституционная демократия (помимо нее речь может идти также о конституционной монархии, аристократических и теократических государствах).

Еще со времен Платона и Аристотеля стало привычным подчеркивать роль закона и разграничивать политические системы по признаку подчинения или неподчинения верховных правителей

закону. Однако проблема контроля над властителями посредством закона отличается от проблемы роли законности в данном обществе. Все государства и общества имеют те или иные законы; имеют их и тоталитарные диктатуры, которым необходимо приспособляться к условиям технологически развитых индустриализованных экономик и массового общества. Древний Рим располагал развитым законодательством, что не мешало обожествлению императоров и превращению их воли в конечный источник всех законов.

Здесь и возникает проблема государства. Само понятие государства появилось в XVI в. и стало с тех пор означать политический строй или правление вообще. Но все же важно подчеркнуть, что государство несло в себе неприятие притязаний христианской церкви на власть. Четкое отграничение государства от религии и церкви отличало его от более ранних политических систем Греции, Рима, а также от монархий в Азии и Африке. В этом смысле концепция государства является почти целиком западной. Ленинское представление о государстве было иным, оно предусматривало наличие официальной (государственной) идеологии, которая заняла место религии в древних обществах, и тем самым являло собой возвращение к тем, ранним политическим системам.

Тем не менее к XVI в. государство было уже крупной управленческой организацией, эффективно централизованной посредством строго светской бюрократии и часто опирающейся на те или иные выборные учреждения. По мере усложнения условий функционирования хозяйства бюрократии становилось все труднее принимать и выполнять возрастающий объем решений, и это явилось одной из причин ухода абсолютных монархий с исторической сцены.

Сама концепция государства оказалась под угрозой, и, чтобы спасти ее, политические философы, а также правоведы разделили суверенность, наделяя ею либо государство, либо народ. Суть суверенитета заключается в том, что лицо или группа лиц

наделяются неограниченной властью решать, что именно соответствует общественным интересам. И прав был Эдвард Кок, заметивший, что суверенитет и гражданское право плохо уживаются друг с другом. Принцип верховенства закона было трудно совместить с новыми теориями государства (изложенными, прежде всего, Жаном Бодэном и Томасом Гоббсом), согласно которым государство в лице самодержца осуществляет неограниченную власть. Доктрины демократического централизма и массовой базы руководства, не говоря уже о гитлеровском принципе фюрерства, представляют возврат к этой автократической концепции государства. Автократия, независимо от того, воплощается она в одной персоне или коллегиальном руководстве, сама и для себя самой решает, до какой степени ей следует использовать свою власть.

Сохранить автократический характер государственной власти в усложняющихся условиях либеральной эпохи, предотвратить вырождение государства – вот, таким образом, предназначение тоталитарных движений и тоталитарных режимов современности. Больше того, переутверждение государственной власти стало целью не только тоталитарных систем, но и других, например, военных диктатур, возникших в Пакистане, Португалии, Бразилии. Интересно сравнить режимы личной власти во франкистской Испании и голлистской Франции. Хотя генерал де Голль и пытался отодвинуть в сторону французскую Конституцию, когда она мешала претворению в жизнь его планов, его режим, тем не менее, был конституционным. Франко же постепенно превратил политический порядок в Испании в собственную личную диктатуру, которой не нужны были ни тотальная идеология, ни господствующая партия. Этот образец власти, повторенный затем во многих странах Латинской Америки, предусматривал опору на военных, псевдодемократическую ритуальность (сфабрикованные выборы и плебисциты), ектлезиастические оправдание и пассивность масс (служашую некоей негативной легитимацией диктатуры).

В этой связи следует заметить, что автократические режимы вовсе не обязательно обладают большей степенью фактической власти, чем неавтократические; напротив, они часто возникают как раз тогда, когда власть становится все труднее удерживать. Поэтому вряд ли правильно отождествлять автократические режимы с авторитарными – конституционная монархия, не будучи автократией (самодержавием), в то же время способна быть весьма авторитарной.

Автократические режимы прошлого, если они существовали достаточно долго, как правило, переживали периоды ослабления и усиления принуждения, необходимого для их поддержания. Например, в первое столетие римского принципата мягкое правление Августа сменилось жестоким абсолютизмом Тиберия и преступным господством Нерона. Такие контрасты зафиксированы в истории практически всех автократических государств. В СССР насилие росло по мере укрепления власти Сталина и прекратилось после его смерти. Вероятно, дело в самом характере возникновения автократических режимов: будучи зачаты среди насилия, они не могут его полностью преодолеть, и проблема для них заключается лишь в том, до какой степени возможен отказ от насилия.

Вместе с тем автократии способны опираться на широкий консенсус населения. Такой консенсус, помогающий сохранять гражданский мир и порядок, наблюдался всегда, если режим существовал в течение более одного поколения; он отсутствовал лишь в начальных фазах становления (или восстановления) автократических режимов.

Стабильности автократии способствовала и консультативная практика правителей, меры, направленные на массовую легитимизацию, на приближение власти к народу. Примерами этой практики служат ленинский принцип демократического Централизма, маоистская линия равнения на массы, проводившиеся Гитлером плебисциты.

Можно сделать вывод, что автократия являлась преобладающей формой государственного правления на

протяжении немалой части человеческой истории. Не следует поэтому удивляться, что она вновь возникает в современную эпоху в тех случаях, когда старому порядку угрожает революция, или революция, одержав верх, стремится укрепить свою власть. Последний процесс, процесс институционализации революционной власти, ведет к тоталитарным диктатурам.

Общие характеристики тоталитарной диктатуры

Тоталитарные режимы – автократические режимы. Те, кто называют их тираниями, деспотиями, абсолютной властью, стремятся изобличить их природу, ибо все эти термины употребляются в строго негативном смысле. Сами эти режимы нередко именуют себя "демократиями", "народными демократиями", надеясь иметь в виду лишь специфическую форму автократии: вожди народа, они же партийные вожди, оставляют за собой в политике последнее слово. Решение автократа всегда конечно; он держит отчет только перед самим собой. В известном смысле слова тоталитарная диктатура представляет автократию, приспособленную к условиям индустриального общества XX в.

Тем не менее, цель данного труда – показать, что исторически тоталитарная диктатура является новым явлением. Фашистская и коммунистическая диктатуры имеют гораздо больше общего друг с другом, чем с какими-либо другими формами государственного правления, включая ранние автократии.

Остановимся на одной из теорий тоталитаризма – на той, что акцентирует усилия режима переделать, преобразовать своих граждан в духе определенной идеологии. Эту теорию можно назвать идеологической или антропологической. Согласно ее постулатам, сущность режима заключается в тотальном контроле над повседневной жизнью людей, их поступками и даже образом мышления. Однако если исходить из практики, данная теория вызывает возражения. Указанные выше намерения действительно могут быть у тоталитарных правителей, но реализовать их нелегко.

Тотальный контроль над личностью невозможно установить даже внутри одной партии, не говоря уже о населении страны в целом.

Вряд ли, основываясь на идеологической теории тоталитаризма, можно обнаружить тоталитарные режимы и в прошлом; иначе придется причислить к ним столь явно теократические формы власти, какие были характерны для пуритан и мусульман (также стремившихся к тотальному контролю над умами людей). Не была тоталитарной Древняя Спарта; Платон был апологетом не тоталитарного, а авторитарного государства, в котором властвовали бы самые мудрые. Рассуждая так, можно "первобытные" формы правления и монастырские порядки средних веков также включить в списки тоталитарных режимов – там ведь контроль за поведением людей был очень жестким.

Действительно новая черта тоталитарных режимов XX в. заключается в организации и методах осуществления контроля с помощью достижений современной науки и техники, а также в цели контроля: во имя идеологии разрушить старое общество и построить "новое, владея умами масс. Тоталитарная диктатура выступает в таком случае как система господства, предназначенная осуществить тоталистские замыслы в современных политических и технических условиях, как новый тип автократии. Судя по всему, декларированная задача создания "нового человека" принесла значительные результаты там, где режим просуществовал достаточно долго, как, например, в России. Хотя тотального контроля над человеком добиться нигде не удалось.

Фашистская и коммунистическая системы сформировались в порядке реакции на цепь глубоких кризисов – это формы кризисного управления. Они постоянно претерпевают изменения, но нет оснований полагать, что они исчезнут в результате внутренней эволюции. Те два тоталитарных государства, которые уже перестали существовать, были снесены войной. Это отнюдь не означает, что СССР или коммунистический Китай окажутся вовлеченными в войну. Мы вовсе не думаем, что тоталитарные общества неизменны и статичны; напротив, они уже претерпели и продолжают

претерпевать постоянную эволюцию, включающую, видимо, как подъемы, так и спады.

Но как быть с их происхождением? Если верно, что режимы возникли после того, как тоталитарные движения возобладали в обществе и государстве, то откуда взялись сами движения? Ответы на этот вопрос по-прежнему крайне противоречивы. Многие объяснения фокусируются на идеологии; при этом обвиняют не только Маркса и Энгельса, но также Гегеля, Лютера и многих других. Однако никто из этих мыслителей не был тоталитаристом; напротив, каждый из них осудил бы современные тоталитарные режимы. Дело, стало быть, не в том, что некая тоталитарная идеология питала массовые движения.

Дискуссия о корнях тоталитаризма охватила широкий спектр гипотез – тут и примитивная теория "плохих людей", и сетования по поводу "морального кризиса нашего века". Скажем, приход Гитлера к власти объясняется его собственными пороками, слабой традицией конституционализма в Германии, германским "национальным характером", последствиями Версальского договора, экономическим кризисом, "противоречиями" дряхлеющего капитализма, "угрозой" коммунизма, упадком христианства и человеческого здравомыслия. Многофакторный анализ, возможно, и поможет дать адекватный ответ. Однако в настоящее время мы не в состоянии сколько-нибудь убедительно объяснить возникновение тоталитарных диктатур.

Возможность такого объяснения появляется только в том случае, если мы отбросим сведение тоталитаризма к идеологическим феноменам. Коммунизм и фашизм – разные идеологии, но в своих структурах, институтах и методах правления они в основном схожи. В основном – но не во всем. Широкие слои общественного мнения, многие журналисты тяготеют к крайним интерпретациям, из которых следует, что они либо целиком однотипны, либо совершенно различны. И то, и другое неверно. Помимо идеологий, существует немало расхождений между фашистским и коммунистическим режимами, однако они

достаточно близки друг к другу, чтобы отнести их к одной и той же категории, которая резко отличается не только от конституционных систем, но также от более ранних видов автократии. Вот одна из конкретных иллюстраций их сходства и различия: при общем диктаторском характере власти в условиях как фашизма, так и коммунизма, в фашистской Италии осталось больше следов либерально-конституционного общества, чем в коммунистической России или Китае, и это объясняется тем фактом, что исторически тоталитаризму в последних двух странах не предшествовало сколько-нибудь оформившееся либеральное общество (ни правительство Керенского в России, ни Гоминьдан в Китае не могли заложить фундамент конституционного строя).

Общих для тоталитарных диктатур признаков можно насчитать шесть, и вкуче они составляют то, что можно условно назвать тоталитарным "синдромом". Эти признаки: идеология; единственная партия, как правило, возглавляемая одной личностью; террористическая полиция; монополия на средства массовой коммуникации; монополия на вооружение; централизованная планируемая экономика. Из них два последних признака обнаруживаются также в конституционных системах; так, Великобритания в период правления социалистов (имеется в виду лейбористское правительство 1945-1953 гг. – прим. ред.) имела централизованное управление экономикой, а что касается вооруженных сил, то их держат под контролем все современные государства.

Эти шесть основных отличительных черт, переплетаясь друг с другом и подкрепляя друг друга, составляют модель тоталитарной диктатуры. Их нельзя рассматривать изолированно, тем более для сравнений с другими политическими системами. Нельзя, например, заявить, что Цезарь был первым тоталитарным диктатором, поскольку он ввел тайную полицию, применявшую террористические методы, или что католическая церковь была тоталитарной, так как она практиковала идеологический контроль над образом мыслей своих адептов.

Все тоталитарные диктатуры обладают следующими общим чертами:

1. Развернутая идеология, состоящая из официальной доктрины, которая охватывает все жизненно важные стороны человеческого бытия и которой предположительно придерживаются все, живущие в данном обществе; эта идеология характерным образом сфокусирована и спроецирована на некое совершенное конечное состояние общества, иначе говоря, она содержит хилиастический призыв, основанный на категорическом неприятии существующего общества и стремлении завоевать мир ради построения нового общества;

2. Единственная массовая партия, как правило, возглавляемая одним человеком, "диктатором", и вбирающая в себя относительно небольшую часть населения (до 10 процентов); партия, чье ядро страстно и непоколебимо предано идеологии и готово всемерно способствовать ее широкому распространению; партия, которая организована по иерархическому, олигархическому принципу и, как правило, либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо полностью переплетена с нею;

3. Система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию, но также осуществляющего надзор над нею самой в интересах ее вождей и характерным образом направленного не только против "врагов" режима, но также против произвольно выбираемых классов населения, причем террор тайной полиции систематически использует современную науку и в особенности психологию;

4. Технологически обусловленный и почти всеобъемлющий контроль партии и ее преданных кадров над всеми средствами массовой коммуникации – прессой, радио, кино;

5. Аналогичный технологически обусловленный почти полный контроль над всеми вооруженными силами;

6. Централизованный контроль и руководство всей экономикой посредством бюрократической координации ее ранее {независимых составных частей}; этот контроль, как правило,

распространяется также на большинство других общественных организаций и групп.

Из сказанного не следует, что невозможно наличие других признаков тоталитаризма, пока еще недостаточно четко различимых. Правомерно предположить, например, что к ним относится также административный контроль над судебной системой; но практическая эволюция тоталитаризма в последние годы показывает, что этот контроль все же существенно ограничен.

Внутри общего образца можно обнаружить множество значительных различий между тоталитарными режимами. Скажем, в текущий момент партия играет в Советском Союзе гораздо большую роль, чем при Сталине; идеология в СССР больше привержена определенным посылкам, вытекающим из марксистского евангелия, чем в фашистской Италии или Германии, где ее сформулировали сами вожди; корпоративный сектор фашистской экономики оставался в частном владении, в то время как в Советском Союзе собственность была обобществлена.

Вернемся теперь к вопросу об исторической новизне тоталитарных режимов и рассмотрим те данные, которые позволяют сделать вывод, что шесть вышеперечисленных признаков в основном отсутствовали в традиционных автократических режимах. Прежде всего укажем, что в данной комбинации эти признаки не характерны ни для древних восточных деспотий, ни для абсолютных монархий средневековой Европы, ни для древнегреческих городов, ни для Римской империи, ни для тиранических форм правления в городах-государствах Италии периода Возрождения, ни для наполеоновской военной диктатуры, ни для других диктатур нынешнего и прошлого веков. Они могли наличествовать там лишь по отдельности и в ином виде. Разве можно сравнить попытки создания тайной полиции в истории с террором гестапо или ОГПУ-КГБ; попытки подкрепить власть пропагандой с помощью кустарных и современных технических средств? Опять-таки никому из римских императоров или европейских монархов не приходило в голову подкрепить свою

власть посредством создания партии или идеологии. А если и возникало некое подобие партии (например, сторонники клана Медичи во Флоренции объединились в организацию, получившую название Ло Стато, т.е. Государство), то у нее не было никакой идеологии.

Существенным условием возникновения тоталитарной модели является современная технология. Эта черта тоталитаризма особенно заметно проявляется в области вооружений и массовой коммуникации, она тесно сопряжена также с осуществлением террора, требующего новейших средств наблюдения за людьми и их перемещениями. Современная технология незаменима и в функционировании централизованно управляемых экономик.

Вообще тенденции научно-технического прогресса подразумевают, за редким исключением, тенденции возрастания роли организаций. Конституция США гарантирует право всех граждан на ношение оружия (для этого была принята четвертая поправка к ней). Однако если в дни гражданской войны это право было жизненно важным и справедливым, то оно выглядит иначе в свете развития современных видов оружия. Какая отдельно взятая личность может обладать танком, бомбардировщиком или огнеметом, не говоря уже об атомной бомбе? Аналогичным образом дело обстоит со связью и средствами массовой информации. Потенциал "свободы" полтора века назад был выше, чем сейчас. В свете сказанного тоталитарные общества выглядят как тенденции современной технологической оснащенности государства, доведенные до своего логического конца.

Меньше связи с научно-техническим прогрессом обнаруживают функции идеологии и партии. Конечно, тоталитарная пропаганда нуждается в современной технике. Однако китайские коммунисты ее не имели и все же пришли к власти, используя устную агитацию для создания все новых и новых групп своих приверженцев и их расширения.

Идеология и партия создавались в процессе развития современной демократии. Все тоталитарные движения выдвигали

демократические лозунги и цели, и с этой точки зрения можно сказать, что в них воплощается абсолютистская, автократическая демократия, контрастирующая с конституционной демократией. Утопический и хилиастический характер тоталитарных идеологий придает им псевдорелигиозную окраску. Маркс называл религию опиумом для народа, и в точности то же самое можно сказать о тоталитарных идеологиях. Они подменяют разум верой, а знание и критику – магическими заклинаниями.

Здесь следует кратко остановиться на проблеме консенсуса. Утверждается, что идеология настолько вошла в плоть и кровь граждан СССР, что они стали бессознательно руководствоваться ею в своих мыслях и действиях. Можно спорить с этим или соглашаться, но ясно, что существенный уровень консенсуса в этой стране был достигнут, и он лежит в основе популизма Хрущева. То же наблюдается в Китае; вспомним, что в Италии и Германии также существовало широкое национальное согласие. Другое дело, что тоталитарный консенсус не должен смешиваться с практикой конституционных государств.

Итак, еще раз: тоталитарные режимы оказались в состоянии возникнуть исключительно в условиях массовой демократии и современной, технологии.

Ю.И.Игрицкий